

Александр Рыбин

Подавляя инстинкт войны

Рассказы

Эти невыдуманные рассказы — о войне, о разных ее гранях. О тех проявлениях войны, которые обычно не попадают в новостные медиа: собранные в этих текстах впечатления, факты, чужие истории невозможно быстро и легко продать потребителю — чтобы совместить и подробно разглядеть их, необходимы значительные отрезки времени.

A.P.

Над изумрудным Евфратом

На обочине лежал мертвый верблюд — темная жуткая дыра в его брюхе. На песке лежал. Мы ехали по матово-черной автотрассе через пустыню, через плоскую до горизонта Сирийскую пустыню. Я и Настя выворачивали головы, чтобы лучше рассмотреть мертвого верблюда. Водитель-сириец не обратил на него никакого внимания.

Мы ехали в город Дейр-эз-Зор.

В Сирии одиннадцатый месяц продолжался гражданский конфликт, местами шли жестокие бои.

Водитель, Саидом его звали, подобрал нас у руин крепости Каср-эль-Хейр. Мы никуда не спешили: если бы он не остановился, мы бы не расстроились. Нам нравилось это плоское пустынное пространство, ровное море песка с красным утесом руин Каср-эль-Хейр. Мы сидели на крепостной стене, свесив ноги, и молча вглядывались в горизонт — полное умиротворение в той самой точке, которую на английском называют «middle of nowhere». Небо неясное, бледно-голубое, тонны мельчайших частичек пыли висели в воздухе, мутнили небо. Солнце — размытое белое бельмо. Ветер, как засыпающий пьяница, вдруг ожидал на несколько мгновений, гудел, цепляясь за каменные руины, и снова затухал, «отключаясь». И ровное светло-коричневое (у американцев тогда вошло в моду называть подобный оттенок coyote) пространство, уходящее десятками километров к горизонту. Мы продолжали молчать.

Александр Рыбин родился в 1983 году в г. Кимры Калининской области. Окончил филологический факультет Тверского университета. Печатался в литературных журналах, в том числе — «Неве», «Звезде» и «Новом мире». Проживает от Аддис-Абебы до поселка Аксарка в Ямало-Ненецком автономном округе — увлечения жизнью к тому обязывают. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

Утром, глядя в карту, попытались прикинуть, сколько километров нам придется идти через пустыню к Каср-эль-Хейр от ближайшей автотрассы. Прикидывали, где ближе будет высадиться из попутки. «Километров четырнадцать-пятнадцать придется топать по пустыне». Но это сирийская карта — а сирийские карты неточные, путанные.

Каср-эль-Хейр — остатки арабской крепости, построенной больше тысячи лет назад, в самом центре пустыни. Мы стремились туда не из фанатичного интереса к истории — но из эстетических побуждений. Ярко-красные руины в сердце пустыни — хотели увидеть, насладиться, приобщиться.

Водитель высадил нас в деревне Талибани, объяснил, что отсюда по прямой до крепости десять километров. Талибани — хаотичное нагромождение среди песков бетонных домов-ящиков, огороженных глухими заборами. Мужчины с морщинистыми обветренными лицами, морщины — как трещины на жестоко иссущеной земле. Дети с воплями бегали через клубы пыли за консервной банкой — играли в футбол. По улице (улице? или просто пространству между заборами?) гнал овец седобородый старик в традиционном для сирийцев красно-белом платке — платок повязан тюрбаном на голове, «хвост» его закрывал шею. Мы спросили направление на Каср-эль-Хейр: «Уэйн тарик Каср-эль-Хейр?» — старик показал прямо через деревню. Мы шагали сквозь пыль мимо заборов, на спинах туристические плотно набитые рюкзаки. Остановился пикап. «Уэйн?» («Куда?») — спросил водитель. Мы ответили, и он показал жестом, чтобы селились в кабину. Оказалось, что к руинам крепости вела однополосная, но качественная асфальтовая автодорога. Высадив нас, пикап поехал дальше — в некую бедуинскую деревню, где хорошая вода.

Мы сидели на древней каменной стене между полукруглых, тоже из красного камня, башен. Насти — девочка-соломинка, каштановые волосы по ветру, очки с разводами на линзах (в пыльном воздухе их регулярно надо протирать, ей надоело), в бледно-синих джинсах, в зелено-мохнатой фуфайке, пальчики ее машинально гладили щербатый раскрошившийся камень — загадочно улыбалась вдаль. Мимо проезжал мерседес — я махнул ему рукой: то ли ради приветствия, то ли уверенный в безнадежности его остановить — сам не понимал, — но мерседес остановился, и водитель настойчиво принял приглашать нас в салон. Он сигналил, зазывающе махал руками. Пришлось бросить горизонт и спуститься с красной стены. Мерседес направлялся в Дейр-эз-Зор.

Водитель Саид в деловом костюме, в галстуке. Сообщил нам, что русские — очень хорошие, «супер гуд», что Россия для Сирии лучший друг, «Русия Сурия бест ферендс». Мы ехали через эту великолепную, по-настоящему пустынную Сирийскую пустынью среди волн барханов. Лишь мертвый верблюд на обочине. Ехали больше часа — только песок и редкие клочки чахлой растительности. Не испорченная ближневосточными ветвями человечества пустыня — не перебитая оросительными каналами, не взлохмаченная нефтяными «качалками». Я восхищался, пожирал глазами однообразный пейзаж — водителю кивал и поддакивал.

Саид зазывал нас к себе в гости в Дейр-эз-Зор, в свой родной город. «Дэйр-эз-Зор проблемы, война, армия, бандиты», — вываливал я с вопросительной интонацией весь свой запас арабского. Нас предупредили ранее, что в этот город соваться не стоит: там происходят кровавые столкновения между армией, полицией и противниками правящего режима, противниками президента Башара аль-Асада. «Нет, нормально. Были проблемы, армия убивать бандиты, сейчас все хорошо», — Саид улыбался, он реагировал на нас,

как любой нормальный сириец, — он нас всячески убеждал стать его гостями. Мы с Настей переглянулись и согласились.

Через два с лишним часа езды появились низкоэтажные бетонные и глиняные дома за глухими заборами — пригороды Дейр-эз-Зор. Появились пальмы, высаженные во дворах и вокруг домов. Чем ближе к городу, заросли пальм гуще, дома выше и аккуратнее. Фонари вдоль трассы. Газоны. Мы остановились — блокпост. Солдаты в оливковой форме и с «калашниковыми» в руках. Бетонные блоки, окрашенные в цвета сирийского флага. На разделительной полосе пустая бочка — и тоже в цветах сирийского флага. «Мафи мушкеле, — сказал Саид солдатам, высунув голову из машины. — Садык мин Русия» («Нет проблем, друзья из России»). К автомобилю подошел человек в темно-синей форме и фуражке — полицейский, — отдал Саиду честь, пожал руку, что-то сказал на арабском. Мы поехали дальше.

Въехали в гущу арабского — подвижного, хаотичного, сигналящего и крикливого — города. Многоэтажки вдоль улицы — на первых этажах магазины и кафе, остальные этажи жилые или под офисы — на балконах вывески или сушится одежда и белье. Южный, вечно летний город — поэтому балконы длинными шеренгами, в каждой квартире, в каждом офисе выше первого этажа обязательно балкон. Обломанные пальмовые ветви на тротуаре. Из кафе клубы ароматного дыма: от кальянов или готовящейся еды.

Саид неожиданно, без объяснений остановил машину. Вышел и начал вытаскивать из багажника наши рюкзаки. Не глядя в глаза, торопливо объяснил, чтобы мы стояли здесь, а он доедет «вон до туда» — неопределенно махнул рукой вперед — и вернется за нами. Оставил нас с рюкзаками на тротуаре и уехал. «Козел, не вернется он, чую, не вернется», — сказал я Насте. «Подожди, может, мы что-то не поняли. Не может же он привезти нас и бросить в незнакомом городе, если сам звал в гости», — рассуждала Настя. Мы сели на рюкзаки и смотрели в сторону, куда уехал Саид. Минут пятнадцать смотрели-ждали. Или двадцать. Мимо промчался оливкового цвета пикап с развивающимся сирийским флагом. В кузове пикапа пятеро вооруженных солдат — автоматы направлены на тротуары и дома. «Да, не приедет. Вот козел», — согласилась Настя. Мы решили оставить рюкзаки в ближайшем кафе и погулять по городу — если уж оказались тут, то надо хотя бы погулять, посмотреть.

Я читал про Дейр-эз-Зор раньше. В городе ничего исторически или культурно выдающегося. Столица сирийской нефтедобычи. Он и строился под работников нефтяной индустрии. Современный безликий город — блочные многоэтажки, четко спланированные улицы на европейский манер. В России подобных городов полно в нефтяном Ханты-Мансийском или газовом Ямalo-Ненецком округах. Одна-единственная достопримечательность в Дейр-эз-Зор — подвесной мост через Евфрат, построенный французами в 1920-х годах. «Значит, дойдем до центра, глянем, что там, потом до моста, и поедем», — сказала Настя.

Мы зашли в первое попавшееся заведение — в парикмахерскую. Несколько подростков внутри сидели в креслах и смотрели телевизор. Мы поздоровались. Среди них оказался один англоговорящий. Мы попросили оставить у них рюкзаки часа на три-четыре. «Погуляем и вернемся за ними. А то с рюкзаками ходить очень тяжело», — объяснил я. «Хорошо, хорошо», — согласился подросток. По телевизору показывали некое массовое действие: арабы что-то скандировали, плотный человеческий вар, кулаки вскидывались вверх. «Это что?» — спросил я. «Это Дейр-эз-Зор. Это митинг сегодня против Асада, — радостно объяснял англоговорящий. — Вы за Асада или против?» Другие подростки, услышав знакомое «Асад», приблизились ближе к нам. Если я неправильно отвечу, то мы можем здесь встрять, нарваться на неприятности. Люди митингуют, блокпост на въезде, солдаты вооруженные. Этих пятеро, я — один.

«Слушай, приятель, мы — путешественники, — принялся объяснять я. — Мы гости в Сирии. Асад — ваш президент, вам и решать, какой он». Англоговорящий обнял меня и поцеловал в щеку. «Асад — плохой. Асад — диктатор. Нам не нужен Асад», — и он яростно плюнул в пол. Мы оставили в его парикмахерской рюкзаки и спросили, как идти к французскому мосту. Путь был простой и не слишком длинный — через квартал повернуть налево и дальше все время прямо, пешком с полчаса.

Мы шли, внимательно осматривая здания и тротуары, — искали следы от пули на стенах, высохшие пятна крови под ногами. Безликие многоэтажки, балконы, вывески, торговля на тротуарах, взрослые люди, дети с рюкзачками за руку с мамами или папами, неспешные старички — ничего необычного, все спокойно. Правда, мы не увидели ни одного портрета Башара аль-Асада на стенах и в витринах. Ранее в Алеппо, Ракке и деревнях, которые мы успели посетить, их было полно, эти портреты были всюду в общественных местах.

Мы уточняли дорогу — сирийцы, как и везде, — охотно и подробно нам объясняли, непременно улыбались.

Центр города. Небольшая круглая площадь — укрытая газоном. Автомобили ехали по кругу, сворачивали в расходящиеся, как солнечные лучи, улицы. Ни танков, ни БТРов, ни солдат, ни полицейских. Ни митингующих, ни следов от пули или осколков, ни пятен крови, ни разбитых витрин. Вокруг площади супермаркеты — из автоматически открывающихся дверей выходили женщины с пластиковыми пакетами, набитыми покупками. От площади длилась улица, застроенная коттеджами, прохожие объяснили, что по ней мы выйдем к мосту.

Аккуратные двухэтажные коттеджи среди пальм — колониальные особняки с просторными террасами, огромные окна, вместо глухих заборов — изгороди из витых металлических прутьев. Особняки из французских фильмов 60-х годов о жизни белых в южных заморских владениях. На этой улице должен был появиться сухой морщинистый араб, ведущий верблюдов. А на террасу выйти молодой Ален Делон в светлых рубашке и брюках. И вслед за ним молодая девушка в коротких шортах, в рубашке с коротким рукавом и широкополой шляпке, шляпку придерживая тремя пальцами. Возле ворот их ожидал бы шевроле. Сухой араб равнодушно взглянул бы на белых и пробормотал бы что-то со словом «Аллах». Но улица была пуста. Одна из вилл — разгромлена, ошметки жалюзи торчали из разбитых окон, дверь выломана, стены расписаны черными и красными граффити, плохо закрашенными серой краской. Через сотню метров у ворот сидела охрана — за их спинами белокаменный особняк с черными окнами. Охранники в черных кожаных куртках, с автоматами на коленях, сидели босыми, ботинки стояли под стульями. Они сумрачно поглядели на нас и кивнули приветственно.

Въезд автомобилям на мост перегораживали два металлических столба, скованные толстой цепью, — на цепи, грустно покачиваясь, сидели два фотографа — у обоих пленочные старые фотокамеры. Слева от входа на мост будка с полицейским — в окне большой портрет Асада, окно в паутине трещин, видимо, по нему ударили чем-то. Полицейский, старый и усталый, перекидывался фразами с фотографами.

До Второй мировой Сирия была французским протекторатом. Французы строили тут дворцы, виллы, технические сооружения, которые никогда не строили на своей исторической родине. Здесь они подходили с другим мерилом — постройка, конструкция должна внушать трепет и восхищение местным племенам перед колонизаторами. В 1927 году французы достроили мост через Евфрат в Дейр-эз-Зоре — он соединил шоссе из Ирака с шоссе в портовый Бейрут, в окрестностях на сотни километров больше не было ни одной переправы через Евфрат. Мост был важным сооружением,

нетривиальным. Подобного нет нигде в мире — единственный в своем роде. Металлические ванты-опоры на тросах удерживают пролеты. Несколько арок над телом моста — в них звук выбирает, как в церковном колоколе. Но никакой чугунности, монументальности. Мост весь на вид легкий, как будто сложен-склеен из спичек.

Мост для Дейр-эз-Зора был вроде Арбата. По нему прогуливались молодежь, приезжие, на мосту проходящие замедляли шаг и чего-то ждали, высматривали. Парочки, свесившись через тросы-ограждения, перешептывались. Подростки фотографировали друг друга на мобильники. Девушки в хиджабах и без. Юноши в обтягивающих футболках и штанах, волосы обязательно набриолинены. Моя с соломенной фигурой Настя пересекала спичечный, почти невесомый мост — она своими тонкими длинными линиями словно растворилась среди тонких и длинных линий колониального изящества и арабских просторных платков. Я почти потерял ее из виду. Но она вдруг вынырнула возле меня и сказала: «Смотри, насколько тут изумрудна вода. Как в настоящей горной реке». Один подросток сказал нам «freedom», показал двумя растопыренными пальцами V — знак сирийских бунтарей. И пошел дальше — заметно по походке, что довольный собой.

Мы, свесившись через тросы-ограждения, разглядывали стремительный поток. Евфрат широкий, разрезанный мелкими островами, здесь походил на великую реку, вспоившую, взрастившую древние мощные цивилизации Двуречья — быстрый, восхитительный, сочного оттенка. Здесь люди могли заряжаться новыми идеями, технологиями, генерировать открытия. Сильный подвижный Евфрат гнал под нами тонны воды. А мы не подозревали, что в Насте уже взрастает, формируется новый человек — наш Арсений.

* * *

Март 2013-го. Нашему Арсению пять месяцев и три дня. Он уже навыкся переворачиваться со спины на живот. Переворачивается и тянется к погремушкам. Дотягивается и смахивает из своей кроватки на пол. Погремушка звучно бьется о пол. Арсений прислушивается и тянется к следующей. Над его кроваткой приклеена к стене карта Сирии — Евфрат пересекает страну по диагонали. За окном никак не заканчивающаяся русская зима. Снег метет, вороны прижимаются к веткам березы, машины буксуют на нерасчищенных дорогах.

Пару дней назад арабоязычные сетевые издания сообщили, что боевики из антиправительственной группировки взорвали французский мост в Дейр-эз-Зор. Фотография в новостях — тростниковая конструкция моста в клубах взрыва. В Дейр-эз-Зор больше нет «арбата» над изумрудным Евфратом.

Март 2021-го. Нависаем с второклассником Арсением над бумажной мяты картой Сирии, разложенной на полу. Тыкаю пальцем в крупное пятно с подписью Дейр-эз-Зор по-французски. «В этом городе до войны был очень красивый старинный мост над рекой. Мы с мамой гуляли по нему, когда ты плавал у нее в животе», — говорю второкласснику. «Больше нет? Разрушили? Зачем же разрушили, ведь каждая война обязательно заканчивается, а через реку переправляться людям всегда нужно», — мудро рассуждает Арсений.

Кимры — Санкт-Петербург, 2021

Подавляя инстинкт войны

«Поп Ватра (священник Огонь) прозвали его люди», — сказала его подельница, перевозившая деньги из Северной Америки на Балканы мятежным сербам. Во время Второй мировой войны поп Ватра командовал сербской Динарской дивизией, в 1990-е финансировал никем не признанное воюющее государство Сербская Краина. «Врут, что он сотрудничал с немецкими нацистами. Он сотрудничал только с итальянскими фашистами, а они, в отличие от нацистов, не уничтожали миллионы людей по национальному или идеологическому признаку. Момчило Ђжуич был очень мудрый человек. Не зря же он в мирное время стал священником, а во время войны ушел воевать и воевал хорошо, достойно», — продолжала подельница. Она пила кофе и курила на террасе ресторана на берегу Дуная, позади австро-венгерских особняков сербской столицы. Международный трибунал по военным преступлениям так и не догадался ее арестовать. Поэтому она спокойно, глаза спрятаны за черными очками, рассказывала мне историю священника-военачальника.

Момчило Ђжуич был последним четническим воеводой Второй мировой. Родился он недалеко от города Книн. Тогда те земли являлись частью Австро-Венгерской империи, а нынче это территория Хорватии. На Балканах земли никогда не задерживаются у одного хозяина подолгу. В двадцать четыре года Ђжуич был рукоположен в православные священники в королевстве Югославия (Книн с окрестностями королевство успело прибрать к рукам к тому моменту). У сербов священник имеет гораздо больше влияния в обществе, чем в России. Пятьсот лет они жили то под гнетом мусульманской Османской империи, то под Австро-Венгрией, где главенствующей религией был католицизм. Загнанный и презираемый народ. Сербам не разрешалось иметь свои национальные административные органы, поэтому центрами их культурной и общественной жизни становились православные церкви и монастыри. Православие превратилось в неотъемлемый фактор самоидентификации. Сербоговорящие католики становились хорватами, а принявшие ислам — мусульманами (сейчас их называют «босняки»). Чтобы оставаться сербом, необходимо было обязательно исповедовать православие. Поэтому наибольшее влияние в среде сербского народа имели православные священнослужители. Это превратилось в традицию. Когда сербы смогли наконец создать свое собственное государство, священники остались не менее влиятельными, чем представители высшей бюрократии и отпрыски королевской династии. Церковь осталась самостоятельной, отдельной от государства. Вернее будет сказать, что государственные органы находились в определенном подчинении у церкви.

Имея приход в крупном — почти тысяча жителей — селе Стрмица недалеко от родного села, священник Ђжуич успевал организовывать забастовки железнодорожных рабочих, обслуживавших близлежащую железную дорогу. Он женился на дочери состоятельного сербского торговца, у него росла дочь. Была вторая половина 1930-х. Именно тогда знакомые с ним придумали прозвище: «поп Ватра». В нем кипела бешеная энергия. Он проводил службы, помогал своему приходу словом и делом. Возле села пролегала железная дорога, она давала многим селянам работу. Когда нарушались права рабочих, обращались к Ђжуичу. И он, переодевшись из церковной одежды в повседневную, надев большой серебряный крест на грудь, отправлялся защищать трудовые права своей паствы.

В апреле 1941-го Германия вместе с фашистской Италией и Венгрией вторглась и разгромила королевство Югославия. Почти половину страны победители отдали под управление радикальным хорватским националистам — усташам, которые провозгласили Независимое государство Хорватия. В его состав попали и территории

в районе города Книна, населенные сербами, в том числе село Стрмица. Одной из основных своих целей усташа провозгласили уничтожение или изгнание сербов. Говоря современным языком, они хотели создать «этнически чистую» Хорватию. Джуичу, как и сотням тысяч других сербов, пришлось бежать из родных мест. Он оказался в юго-западной части Хорватии. Свежесозданная страна хотя и была организована при поддержке оккупантов, оказалась поделена на зоны ответственности между Германией и Италией. За безопасность на юго-западе Хорватии отвечала итальянская армия.

Итальянские фашисты не поддерживали усташской сербофобии (впрочем, активно с ней не боролись тоже). Их беспокоило набиравшее масштаб и численность повстанческое движение против оккупантов на территории разгромленной Югославии. Повстанческое движение состояло из двух основных течений: одно — солдаты бывшей королевской армии, второе — коммунистические партизаны. Итальянцы надеялись с первыми договориться, чтобы те помогли победить вторых. Джуичу коммунисты не нравились так же, как и хорватские усташа: и те, и другие выступали против православной церкви. Одаренный организатор, он взялся за создание подразделения четников (то есть тех, кто выступал за национальные сербские интересы и монархию) под покровительством итальянцев.

«Он родился воином. Однако ни одной подходящей войны не было, когда он повзрослел. Серб, он свой воинский дух применил для служения православной церкви. Пока Югославию не втянули во Вторую мировую», — объясняла мне та, которая в 1990-е годы помогала постаревшему Джуичу заниматься делами, каравшившимися международным уголовным судом. Понятия не имею, сколько ей лет. Спрашивать было неэтично. Биографических справок о ней не найти в интернете даже на сербском языке. Звали ее Зорана. По виду — лет сорок. Благодаря ухоженности и обилию make up. Балканские женщины имеют такое свойство: после восемнадцати лет быстро наливаются соками, осваивают необходимые повадки и становятся похожи на опытных леди 30+. В таком состоянии они сохраняются лет двадцать-тридцать. Поэтому тридцатилетняя может оказаться по паспорту в равной мере и двадцати-, и сорокалетней женщиной. Подельница Джуича, повторюсь, выглядела на сорок, но дела с сербским националистом она вела за двадцать пять-тридцать лет до нашего разговора. То есть реальный ее возраст был не младше сорока пяти. При том что много курила и потребляла кофе.

Итак, поп Ватра наладил отношения с итальянскими фашистами, отвечающими за безопасность на половине государства усташей, то есть потомков сербоговорящих племен, принявших столетия назад под давлением итальянских княжеств католичество. Лето 1941-го. «Усташа проводили страшный геноцид сербов. Убивали тысячи безоружных людей ежедневно. Сербов истребляли за веру и культуру, как армян и ассирийцев в Османской империи в начале XX века или народность тутси в Руанде в 1994 году. Страшное время. Наши реки покраснели от крови, земля перестала приносить урожай из-за обилия трупов, которые в нее закапывали. Джуич собрал четников — православных партизан-ополченцев — и они, получив оружие у итальянцев, начали войну против усташей. И против коммунистических партизан Иосипа Броз Тито», — рассказывала Зорана.

Свое воинство Джуич называл «Динарская дивизия» — потому что его четники воевали вдоль Динарского нагорья, которое тянется вдоль берега Адриатического моря на шестьсот километров. Четники вычищали горы от партизан, чтобы итальянцы не мешали им нападать на усташей и защищать сербов. Звание Джуича после формирования дивизии стало «воевода» — высшее звание в сербской армии (его одобрили командиры четников, действовавшие в других областях разгромленной Югославии и так же имевшие звания воевод). При том, что до того он никакого воинского чина не имел. Под штаб дивизии итальянцы выделили ряд зданий в Кине.

Главнокомандующим всех четнических формирований являлся Драже Михайлович, полковник королевской армии, его подразделение отказалось сдаваться немцам и первым начало повстанческую борьбу с ними. Джуич лишь номинально подчинялся Михайловичу. Фактически поп Ватра был самостоятельным командиром, который действовал, главным образом, с оглядкой на итальянцев.

Балканские истории всегда очень сложные, запутанные, многослойные, тем более связанные с войнами. Чтобы рассказать лишь одну, нужно обязательно рассказать еще несколько, объясняющих ее. Поп Ватра успел повоевать и подружиться с разными силами за время Второй Мировой.

В 1942-м, Джуич начал сотрудничать с усташами. Командование итальянскими оккупационными силами настояло, принудило. За итальянскими фашистами стояли немецкие нацисты. Нацистам нравился расовый подход усташей, Адольф Гитлер очень ценил поглавника (диктатора) Независимого государства Хорватия Анте Павелича. Как писал итальянский фронтовой корреспондент Курцио Малапарте, усташи в качестве подарка приносили Павеличу корзины с глазами, вырезанными у сербов. Знал ли о том Джуич? Если не знал, то точно предполагал. Поэтому время от времени его четники продолжали нападать на усташей, хотя итальянцы принудили его помириться с ними и совместно гоняться за коммунистами-партизанами. «Если где-нибудь в Динарской области усташи нападали на сербские села, сербы жаловались четникам Джуича. Четники мстили. Усташи жаловались итальянцам. Итальянцы делали выговор Джуичу. Тот устраивал показательные собрания и отчитывал своих четников, убеждал их, что надо сотрудничать с усташами, присутствовали итальянские офицеры. Потом тайно распоряжался о новых нападениях на хорватов. И со временем гонения на сербов в области Динарского нагорья прекратились», — сказала Зорана.

Коммунист хорватского происхождения Тито считал своим долгом отловить и уничтожить Джуича. Его партизаны охотились на четнического воеводу. В 1944-м им почти удалось его поймать. «Но Джуич оказался хитре. Партизаны охотились за ним в его родных горах, потому-то у них ничего не вышло».

Весной 1945-го через Балканы быстро продвигались советские войска. Они соединились с партизанами Тито и начали защищать от четников, усташей и оккупационных частей территорию бывшего королевства Югославия. «Мудрый Джуич рассудил, что против советской Красной Армии у него нет шансов. Он собрал четников, их было тысяч семь, и объявил, что они уходят в Италию, которую уже захватили американцы и англичане, и сдадутся им», — Зорана выдержала паузу, отхлебнула кофе. «Но он же все равно оставался сербом, священником Сербской православной церкви. Он не мог бросить своего патриарха Гавриила». Патриарх Гавриила после разгрома королевства Югославия немецкие нацисты держали в изоляции, он отказался призывать сербов к подчинению Германии. С сентября 1944-го года его содержали в концлагере Дахau. Четники неоднократно пытались Гавриила освободить — в том числе вооруженным путем. Безуспешно. В декабре 1944-го немцы перевезли патриарха в австрийские горы. Туда к нему пробрался Джуич. Эту историю я знаю в пересказе архимандрита Йована Радосавлевича, он ее слышал от очевидцев. «Джуич взял с собой чокань ракии, рыбу и хлеб, чтобы порадовать нашего патриарха. Патриарх Гавриил, когда увидел воеводу, длинноволосого и бородатого в мохнатой шубаре (сербской национальной папахе), удивился и спросил: "Ты кто, сынок?" Тот протянул хлеб и объяснил, что пришел вызволять патриарха. Патриарх говорил, что нельзя этого делать, потому как он доставлен сюда по приказу Гитлера и, если совершил сейчас побег, то его и освободителей-четников будут преследовать. Но все-таки Джуичу, хотя и с большим трудом, удалось убедить патриарха Гавриила, вечером они отправились в расположение остатков Динарской дивизии. Прибыли на следующее утро, там их встречали воины-четники, построившиеся в шеренги, они просили благословить их и освятить знамена. Патриарх шел вдоль

шеренги, повторяя: "Эх, четичи вы мои, четичи, благослови вас Бог". Вместе с четниками он сдался американцам». В ноябре 1946-го Тито, правитель новой коммунистической Югославии, разрешил патриарху вернуться в Белград. Джуичу возвращаться было нельзя. В июле 1946-го Драже Михайловича, его командира, расстреляли по приговору коммунистического суда в Белграде. На собрании четников Джуич сказал: «Надеюсь, что это была не последняя война на Земле. Слишком много дел осталось недоделанными». Многие отправились вместе с ним в Северную Америку. Тито долго и настойчиво добивался, чтобы США выдали ему Джуича для проведения суда. Американцы считали, что четнический воевода не виноват в военных преступлениях, а коммунистические власти преследуют его по политическим мотивам. Джуича не выдали.

Он создал ветеранскую организацию четников, фактически руководил сербской православной общиной в США. В его Динарской дивизии насчитывалось несколько тысяч бойцов. В США он направлял общиной в сотни тысяч. Остававшийся священником бывший военный командир Джуич наладил жизнь общины как военно-религиозной организации. После служб в церкви сербы-изгнанники собирались и обсуждали свои нужды, Джуич назначал ответственного за решение конкретных задач. Невыполнение задачи каралось — провинившийся понижался в неформальной иерархии сербской общины. «Поп Ватра очень хотел воевать. Чувствовал, что не отвоевал своего. Его родина находилась под властью коммунистов. В нем по-прежнему горел бешеный *Огонь*. Джуич вынужден был *Огонь* сдерживать, подавлять свой инстинкт войны. Во второй половине 80-х я познакомилась с ним. Самый сильный, внутренне сильный человек, какого я встречала в жизни. Мой отец, он воевал в составе Динарской дивизии, познакомил меня с Джуичем», — Зорана для убедительности покачала головой и закурила очередную сигарету.

Про воеводу-священника (или священника-воеводу, что ставить на первое место, что было для Джуича важнее?) в среде сербской эмиграции ходили легенды. О том, как он пытался удовлетворить свой инстинкт войны. Он не желал участвовать в любом вооруженном конфликте, но исключительно в войнах против югославских коммунистов. «Говорили, что он пытался наладить связь с двадцатичетырехлетним полковником Георгиу Костасом, греком-киприотом, который командовал наемниками, воевавшими против коммунистов в Анголе в середине 1970-х. Вроде бы ангольскую коммунистическую армию тренировали югославские офицеры. Джуич хотел воевать против них. Он набрал отряд из ветеранов-четников и готовился отправиться в Анголу, чтобы присоединиться к Костасу». В начале февраля 1976-го дерзкий и умелый боец Костас попал в засаду ангольской правительенной армии. Его ранили, несколько его бойцов погибли. Ангольцам помогали кубинские советники. Костаса пленили. Вскоре судили и приговорили к расстрелу.

Спустя десять лет Джуич понял, что скоро у него появится шанс вернуться на родину. «В Югославии набирало силу сербское националистическое движение. И не только оно. Хорватские националисты тоже создавали свои партии и вооруженные формирования. Мусульмане вооружались, албанцы в Косово устраивали беспорядки. Коммунистическая Югославия рухнула сама собой, под собственным грузом. На ее месте появилось несколько национальных республик. В том числе Хорватия, которая претендовала на Книн, потому что в коммунистические времена Тито включил его в состав югославской республики Хорватия. Жившие в Книне сербы восстали против новой власти и провозгласили свое государство — Сербская Краина. Джуич был в восторге». По мнению воевавшего в Боснии русского добровольца Олега Валецкого, который занимается исследованием войн в бывшей Югославии, это крошащее государство, прилепившееся к Динарским горам, соответствовало ожиданиям сербских националистов. «Возникшая на волне сербского национального подъема республика Сербская Краина — РСК в условиях 1990-х годов вполне соответствовала идеалам

национального государства, построения которого требовала тогдашняя сербская национальная оппозиция», — написал Валецкий в книге «Падение республики Сербская Краина».

Джуич, последний оставшийся к тому времени в живых четнический воевода, назначает четническим воеводой вождя Сербской радикальной партии Воислава Шешеля. Шешель собирал добровольцев и отправлял их на помошь кинским сербам. Однако сам Джуич пообещал вернуться на родину только тогда, когда «из Сербии будет изгнан последний усташ». Частью Сербии он считал и Кин.

И тут в балканских темных делах появилась Зорана. «Я была сумасшедшая и очень красивая девчонка. Джуич доверил мне перевозить деньги, собранные сербами в Северной Америке, к кинским сербам. «Красивая девушка в нарядном платье очарует любого таможенника и полицейского. Они будут досматривать разрезы твоего платья, а не твои сумки. Ты поможешь нашим братьям, милая моя», — сказал он. В первую поездку меня охраняли два сербских бойца из американской диаспоры. Они сопровождали меня на отдалении, следили, чтобы ко мне не подходили чужие. В самолете, в автобусе из Белграда в Сараево, на сараевских улицах. В Сараево, когда я встретилась с представителем РСК, они подошли ко мне и сказали, что я очень смелая. Ох, молодость. Ох, бешеная моя энергия. Я носила самые откровенные платья, чтобы таможенников больше интересовалася я сама, а не мой незаконный груз», — Зорана первый раз за время нашего разговора улыбнулась. И опять достала из пачки сигарету.

Джуич шел девятый десяток. «Он мечтал вернуться в Кин легендарным героям. Я возила деньги от него в Сараево до тех пор, пока в Боснии не начались беспорядки, устроенные мусульманами. Маршрут изменился. Я прилетала с сумками, полными долларов, в Белград и оттуда вместе с вооруженными добровольцами из партии Шешеля ехала в автобусе прямо в Кин. Столица Сербской Краины меня впечатляла. Суровые мужики в военной форме и при оружии разгуливали по улицам, всюду сербские флаги, люди танцевали в кафанах, где звучала живая музыка. Добровольцы слушали музыку, чтобы затем ехать на встречу со смертью. Никогда больше я не видела столько энтузиазма в сербах. Они верили, что мы победим. Сербское войско уже отвоевало и контролировало нашу землю, обороняло ее. Нужно было лишь, чтобы Сербскую Краину признала Европа и заставила признать хорватов. Мы не понимали, что Европа хочет нас наказать. Показать на примере Сербской Краины сербам, что мы слабы. В августе 1995-го, когда я была в Нью-Йорке, ждала новую партию денег, хорватская армия за несколько дней разгромила Сербскую Краину и выгнала сербов. Джуич после этой новости сразу одряхлел. Существование Сербской Краины вселяло в него жизнь. А тут у него силы иссякли. Он за несколько дней превратился в невыносимого старика. Терпеть его стало очень тяжело. А что я? Я оставалась молодой. Мне казалось, что не все еще потеряно. Сербы продолжали воевать в Боснии. Мне казалось, что мы сможем победить и создать свою Великую Сербию. Я окончательно переехала в Белград и присоединилась к партии Шешеля. Правда, вскоре НАТО разбило сербов в Боснии, через три года НАТО разбомбило Белград, чтобы помочь албанским террористам в Косово. Джуич умер в сентябре 1999-го года, когда сербская полиция и армия были выведены из Косово. Сербы потеряли Кин, потеряли Боснию, потеряли Косово. Уверена, Джуича добили эти поражения. Ему было 92 года».

Зорана не захотела возвращаться в США, хотя у нее есть американское гражданство. «Что мне там делать? Мои лучшие молодые годы прошли здесь. Улицы, люди, Дунай. Они напоминают лучшие моменты в моей жизни. В США мне будет очень грустно без них. Поэтому я предпочитаю Белград. Хотя мой сын и бывший муж живут в Либертивилле. В Либертивилле на сербском православном кладбище рядом с последним югославским королем Петром Вторым похоронили Джуича. Останки короля в 2013-м перевезли

в Сербию, в усыпальницу нашей королевской династии. Джуич остается в американской земле. Мой сын ухаживает за его могилой».

В 2000-х Международный уголовный трибунал по военным преступлениям в бывшей Югославии выяснил тайную схему финансирования Джуичем книнских сербов. Ее огласили бывшие вожди Сербской Краины, признались в ходе судебных заседаний. Правда, осталось неизвестным, каким образом деньги доставлялись из США в Книн. Зорана не пользовалась настоящим паспортом — Джуич побеспокоился достать ей поддельные документы. «К тому же деньги сербским лидерам в Книне всегда я передавала через посредников. Сдать меня международному трибуналу мог только поп Ватра». Тайное финансирование Сербской Краины трибунал объявил преступлением, потому что деньги тратились на войну против хорватов. Таким образом получилось, что Зорана участвовала в преступной схеме. Однако несколько лет назад Международный трибунал перестал функционировать — считается, что он пересажал всех основных военных преступников бывшей Югославии. Поэтому Зорана спокойно пьет кофе в ресторане на берегу Дуная. Она не боится рассказывать о своих приключениях в начале 1990-х. Теперь никто ничего не сможет доказать. «Если действительно мне будут грозить проблемы, то я просто скажу, что выдумала историю про перевозку денег попа Ватры».

Соловки — Петербург, ноябрь 2020 — январь 2021

Пророк Наум и Алькош

Пророк Наум был злобным стариком. Мстительным. Когда вавилоняне громили столицу Ассирийского царства Ниневию, он ликовал. Он не хотел прощать ассирийцам побед над иудеями. Злобный старик был иудеем, хотя и родился на исконно ассирийской земле, в городе Алькош. «Враг моего врага — мой друг», — говорили жители древних государств Месопотамии и окрестных земель. Пророк Наум почитал ветхие предания. Он ликовал и обзывал Ниневию «развратницей приятной наружности», когда войска вавилонян ворвались в городскую крепость и устроили резню. Он писал: «Мститель Господь и страшен в гневе». У него и его единоверцев не имелось достаточно сил, чтобы отомстить ассирийцам за военные поражения. Они уповали на высшие силы. Высшие силы пришли с юга, из Вавилонского царства. Началось рубилово. От родного для Наума Алькоша до Ниневии по прямой тридцать километров — через равнину. Конечно, любопытный старикан подобрался поближе к месту битвы и наблюдал за триумфом вавилонян. Он выбрал достаточно безопасное место, чтобы разгоряченные воины в пылу битвы не отsekли его голову.

По преданию, он умер в сорок пять лет — руины ассирийской столицы к тому времени поросли сорной травой. Однако же на иконах Наума изображают стариком. Все верно, в античные времена в сорок пять человек считался старым — жизнь была тяжелой и полной опасностей, разрушающих здоровье. До смерти Наум успел написать о падении Ниневии. Его текст, похожий на брюзжание мстительного старикана, стал частью Ветхого Завета. Наума захоронили в родном Алькоше. Теперь это север Ирака. Район автономии Иракский Курдистан. Когда я в первый раз проездом попал в Алькош, в тридцати километрах от города снова шла война. Небо разрывали боевые вертолеты, направлявшиеся на запад для нанесения ракетных ударов по позициям противника.

Пять месяцев спустя я опять приехал в Алькош, чтобы спокойно рассмотреть его. Боевые действия во втором по размерам иракском городе Мосул закончились. Центр Мосула представлял собой холмы из развалин — многие дома, мечети, церкви, торговые центры и административные здания были разрушены ударами артиллерии и авиации. Алькошу повезло. Война коснулась его вскользь. Прилепившийся между равниной и труднодоступными горами он смог защищать себя в течение двух лет. В ноябре 2016-го началось масштабное наступление на Мосул, и Алькош сместился в тыл.

Я приехал в город Наума с душной и циничной немкой, она выполняла роль фотографа в моей поездке по северной части Ирака. К тому же гораздо лучше меня говорила на арабском, что упрощало решение вопросов с местными органами власти. Циничную немку не интересовал Алькош и его древности. Ее волновало, сколько денег мы сможем получить с журналов, которые согласятся публиковать мои статьи и ее снимки. В общем, я завез ее в Алькош и оставил на лавке напротив монастыря, принадлежащего Халдейской католической церкви. «Монастырь Пресвятой Девы Марии, — показал я на кресты за своей спиной. — У монахов, если понадобится, спросишь воды, еды, интернет. Короче, все, что тебе надо. Уверен, они не откажут». Немка, недовольно сдвинув губы, кивнула. Я поставил свой рюкзак рядом с ней на лавку и пошел в сторону горного склона, в который был врезан древний монастырь.

В 612-м году до рождения Иисуса Христа, говорившего на арамейском, языке ассирийцев, иудей Наум восторгался разрушением ассирийской столицы Ниневии. 2629 лет спустя, в 2017-м после рождения Иисуса, ассирийцы торжествовали, когда авиация и артиллерия иракского правительства и их союзников разрушила возникший на месте Ниневии Мосул, который контролировала многонациональная террористическая группировка. История всегда повторяется — обязательно в форме фарса.

Я сумел побывать в Мосуле, когда в городе происходили бои. Март 2017-го. На разбитых проспектах ворочались американского производства бронеавтомобили «Хамви» и танки «Абрамс» под флагами Ирака — флаги хлопали, словно птицы крылья, на ветру. В сотне метров от позиций иракских военных взорвался заминированный автомобиль, управляемыйсмертником из террористической группировки. Момент взрыва успел заснять греческий фотограф Арис Мессинис. Снимок широко разошелся в медиа: огненный вихрь нахлестывает на два грязно-зеленых «Хамви». Над кварталами, занятymi террористами, разворачивались черные кишки дыма после авиааплана антитеррористической коалиции. Снайперы, прятавшиеся по верхним этажам зданий, выцеливали друг друга. Пули крошили бежевые стены домов. «Мосулу не повезло. Разрушим мы его быстро. Но вот сколько лет потом будем восстанавливать?» — философски заметил иракский офицер по имени Сулейман. Наум не думал о восстановлении Ниневии, когда восхищенно наблюдал, как город разносят в хлам вавилоняне. Представляю, как он потрясал воздетыми кулаками, будто футбольный болельщик на стадионе, видя врывающихся в ассирийскую столицу вавилонских воинов.

Ассирийское царство завоевало иудейское государство Израиль в 750-х годах до нашей эры. Ассирийские правители, видимо, понимали, что восстаний в только что присоединенных областях можно избежать, если заменить население на более покорное. Поэтому устроили — сейчас бы выразились — массовую депортацию иудеев с родных территорий на исконно ассирийские земли, возле Ниневии. Кстати, довольно гуманное решение — в те времена непокорные племена в Месопотамии обычно просто вырезали до последнего мужчины, а женщин воины разбирали в рабыни. Земли бывшего Израиля заселили колонисты-ассирийцы. Таким образом предки пророка Наума попали в Алькош. Сто пятьдесят лет депортированные иудеи не

забывали обид. И вот вавилоняне, подступившие в 612-м году к стенам Ниневии, вызвали дикий восторг у живших возле ассирийской столицы иудеев. Среди собравшихся посмотреть на осаду ассирийской столицы оказался умеющий писать Наум. Благодаря своему навыку он и попал в число ветхозаветных пророков.

После того, как вавилоняне разрушили Ниневию, перебили либо увели в рабство ее жителей, город не возродился. Спустя века возле руин появились бедные скотоводы-ассирийцы. Их поселение разрасталось за счет выгодного положения. В Месопотамии до сих пор главное — наличие постоянных источников воды. Поселение скотоводов расположилось на берегу реки Тигр, которая изобиловала карпами. Из карпов готовили «мазгуф», рецепт которого придумали тысячи лет назад шумеры. В первых веках нашей эры ассирийцы, жившие на руинах Ниневии, активно принимали христианство. В окрестностях появлялись монастыри. Поселение расширилось до размеров города, получившего название Мосул. В седьмом веке после рождения говорившего на языке ассирийцев Иисуса Христа (ассирийские христиане уверены, что он потомок ассирийских колонистов Израиля) Мосул был захвачен Арабским халифатом, который продвигал ислам. Новые мусульманские правители не разрушали христианские церкви, но добавляли к ним мечети. Не всегда арабские архитекторы строили умело, не учитывали свойства местных почв. Один из минаретов накренился из-за смещения фундамента. Его прозвали «Аль-Хадба» (по-арабски «горбатый»). В XVI веке город оказался под властью Османской империи, и среди мечетей и церквей в центральной части города разрешили возводить храмы других религий. Например, экзотические езиды построили свое святилище с куполом, похожим на пущенную в небо стрелу.

В Алькоше продолжала существовать иудейская община, главной святыней которой являлась гробница Наума. На каменных ее стенах вырубили строчки из священных иудейских текстов. Иудеи мирно соседствовали с ассирийцами, принявшими христианство. Шестидесятипятилетний монах по имени Раббан Хормизд поселился в пещере на горном склоне над Алькошем. На стене пещеры он много лет вырезал крест. Между делом спорил с монахами других монастырей возле Мосула. Из-за подобных споров христианство распадалось на разные течения. У Раббана Хормизда появлялись последователи — они населяли соседние пещеры и строили стены вокруг них. Пока душная немка с недовольным лицом сидела на лавке, я поднимался к монастырю, отстроенному на склоне горы учениками Хормизда. Меня сопровождал иракский полицейский — монастырь на всякий случай охраняла полиция.

Когда я поднимался по отшлифованным миллионами ног каменным ступеням, понял, почему именно здесь Хормизд выбрал место для духовного уединения. Полицейский показал на горный уступ. По нему мы перешли в неглубокую сырую и прохладную пещеру: в углу бил родник, чистая и холодная вода. Полицейский набрал в сложенные лодочкой ладони воды и выпил. Предложил и мне попробовать. Изумительная вода. Мы вышли из сумерек каменного мешка на яркий свет и отправились дальше, наверх. В поздние времена монахи отстроили из дикого камня коридоры между пещерами, в которых жили, добавили дополнительные помещения: для совместной трапезы, для важных гостей, подклети, ризницу и прочие. Окна делали узкие и маленькие, как бойницы, — на случай обороны от противника. На верхней крыше монастыря (крыши на разной высоте чередуются вдоль склона) установили круглоголовую колокольню с резным каменным крестом. Мы с полицейским петляли коридорами, попадая в залы с иконами, запахом потухших свечей и гробницами местнопочитаемых святых. Наконец зашли в закуток, где бросался в глаза отполированный крест, вырезанный в стене. «Хормизд», — кратко пояснил полицейский. Тот самый крест, которому последние годы своей жизни посвятил старец по имени

Раббан. Под ним обильные натеки воска — христиане ставили здесь свечи, обращаясь к покровительству святого старца или к Богу с молитвами. Мы прошли в следующий коридор, где зиял пролом в стене — плита с надписью на арамейском выбита и поставлена рядом. «В 2003 году американские солдаты использовали монастырь как базу. Иногда они устраивали вечеринки с алкоголем и танцами. Во время одной из вечеринок кто-то из них выбил эту плиту. Я был обычным жителем Алькоша и надеялся, что американцы защитят нас от различных вооруженных группировок, которые рыскали поблизости. Мы, жители Алькоша, вообще иракские ассирийцы, думали, что американцы помогут нам создать собственную автономию внутри Ирака и собственное ополчение, которое будет защищать ассирийцев, если на нас вдруг нападут враги. — Полицейский помолчал. — Они ничего не сделали. Американцы свергли Саддама Хусейна, но вместо одного диктатора в стране появилось множество разных диктаторов, у каждого имеется личная армия. С 2003-го года нам нет покоя». После вторжения армии США в Ирак в 2003-м году последние иудеи покинули Алькош и перебрались в более безопасный Израиль. Они попросили соседей-ассирийцев присматривать за могилой Наума. Ассирийцы пообещали присмотреть, но убеждали соседей-иудеев не сбегать в чужую страну. «Мы верили, что скоро наступит порядок. Американцы убеждали нас, что после свержения Саддама Хусейна Ирак станет процветающей демократической страной, где люди будут равны вне зависимости от вероисповедания», — грустно говорил полицейский. Иудеи оказались дальновиднее ассирийцев. С 2003-го года в Ираке не прекращается война. Меняются лишь имена руководителей правительства в Багдаде и названия группировок, с которым и это правительство борется.

В июне 2014-го года многонациональная террористическая группировка захватила Мосул. В мечети ан-Нури возле покосившегося минарета аль-Хадба лидер группировки провозгласил создание своего государства, непримиримого халифата, в котором нет места христианам, езидам, иудеям и многим другим, кто тысячи лет населял север Ирака. Террористы быстро заняли все ассирийские города и села возле Мосула, кроме Алькоша. Тех «неверных», кто не успел вовремя сбежать, казнили или превратили в рабов. В Мосуле сохранившиеся развалины Ниневии террористы сравняли бульдозерами с землей. Правда, наиболее ценные артефакты времен Ниневии, хранившиеся в мосульском музее, они продали на черном рынке.

Жители Алькоша, получив оружие легальными и нелегальными путями, засели в горах над городом и обороняли его. У террористов не было авиации. Боевики на пикапах или бронеавтомобилях по равнине пытались приближаться к Алькошу. С гор их расстреливали ассирийцы. После нескольких неудачных попыток штурма террористы выкопали траншеи в десяти километрах к западу и югу от Алькоша, которые стали линией фронта на два года. В ноябре 2016-го иракское правительство, собрав силы и получив поддержку союзников, в том числе США, приступило к освобождению Мосула и его окрестностей. Ассирийские ополченцы с гор над Алькошем наблюдали, как расцветают разрывы после авиаударов по позициям террористов. Они восторженно потрясли воздетыми кулаками, как пророк Наум две с лишним тысячи лет назад. Антитеррористическая коалиция потратила девять месяцев, чтобы освободить Мосул. Город превращен в руины. Его разбивали самыми современными видами оружия. Минарет аль-Хадба, увенчанный флагом террористической организации, взорван, мечеть ан-Нури — вместе с ним. «Земля Ирака всегда была землей разрушений и возрождений, поэтому в Ниневии больше всего почитали богиню Иштар — богиню войн и плодородия», — рассуждал сопровождавший меня полицейский, когда мы спустились от монастыря Раббана Хормизда к гробнице Наума (душную немку я решил еще подержать на лавке). За поклонение богине Иштар Наум называл ассирийскую столицу «искусной в чародеянии». Иудеи считали ассирийские обряды, посвященные месопотамским божествам, магическими.

Среди зажиточных, тесно сдвинутых домов находилась гробница, где две с лишним тысячи лет назад упокоились кости Наума. Не слишком выдающееся среди прочих местных строений кубическое здание. Дверь заперта на замок. Один угол здания обрушен внутрь. Я заглянул через пролом. Серые осыпающиеся стены с цитатами из Торы. Конусовидные арки из дикого камня. Сама могила Наума — в половину человеческого роста прямоугольный параллелепипед, накрытый зеленой материей. Ассирийцы, как и обещали, присматривали за гробницей: мусора ни внутри, ни снаружи не было. «Нужны деньги, чтобы отремонтировать ее. Городские власти попросили финансирования у багдадского правительства: мол, важный культурно-исторический объект. Те ответили, что пока денег нет — в первую очередь, необходимо содержать армию, ведь война до сих пор продолжается», — грустно объяснил полицейский.

Иония, май 2020

Стреляющая музыка «Вагнера»

В июле 2014-го года артиллерия и авиация украинской армии долбили по Луганску почти каждый день. После взятия Славянска пятого июля правительство в Киеве решило направить основной удар на Луганск. На улицах города лежали оставы сгоревших автомобилей — власти недавно провозглашенной республики не успевали их убирать. В интернете появлялись видео, как снаряды влетают в жилые дома. По опустевшим проспектам проносились «Уралы» с ополченцами. Не более пятисот-шестисот бойцов ополчения обороны тогда город. Киевская пропаганда утверждала, что в Луганске засели несколько тысяч военнослужащих регулярной российской армии.

Ядро луганского ополчения — батальон «Заря». Нас, минометный взвод батальона, отправляли на боевые выезды по несколько раз в день, с одного края города на другой. Иногда мы засыпали в кузове «Урала», пока ехали с одной позиции на другую. В первой половине июля наш взвод являлся всей тяжелой артиллерией луганского ополчения. Другой артиллерией в городе не было. Только к концу месяца появились гаубицы и несколько «Градов».

Очередной выезд. Два наших «Урала», груженные под завязку бойцами, 120-миллиметровыми минометами и зарядами к ним, проламывались сквозь лес вслед за белой «Газелью» с разведчиками. Задача — поддержать операцию нескольких наших подразделений в районе аэропорта, где с весны засела 80-я десантно-штурмовая бригада украинской армии, прибывшая из Львова (самое боеспособное подразделение армии на тот момент, оно участвовало в международных операциях в Ираке, Косово и Африке), и приданые ей подразделения спецназначения. «Если бы они знали, что аэропорт блокируют всего несколько десятков человек, то давно прорвались бы и засели на окраине Луганска», — сказал один из разведчиков, когда мы выгрузились на поляне, окруженной высокими соснами и липами. Среди тех, кто блокировал аэропорт, была группа, которой командовал человек с позывным «Вагнер». Тогда о ней никто особо не слышал за пределами Луганска. Даже позывной «Вагнер» мало кто знал — в основном те, кто с ним непосредственно взаимодействовал. Но его бойцы очень сильно выделялись на фоне сотен других ополченцев. «Головорезы», — отзывался о них один итальянский доброволец, когда увидел в первый раз. Здоровенные мужики с каменными лицами и холодными глазами убийц. В основном русские. Неславян «Вагнер» в свою группу не брал.

«Минометы пока не доставать. Ждем», — приказал командир нашего взвода Виталий. Я с одним из разведчиков засел на краю поляны. Троє разведчиков скрылись в лесу, чтобы проверить местность. Наш огонь должен был корректировать по связи кто-то из группы «Вагнера». Вердимо, мы ждали, когда корректировщики выйдут на нужную позицию. Щебет птиц, шуршание листьев под порывами ветра, духота и гудение насекомых — безмятежность южного лета. Минуты текли лениво и сонно. Мы расслабились. Кто-то, подложив под голову автомат и набитую запасными магазинами разгрузку, задремал среди цветов и трав. Вернулись возбужденные разведчики. «Нашли свежую лёжку. Кто-то из их разведки здесь ожидал». Виталий скребет бритый подбородок: «Плохо. Возможно, ушли, заметив, что мы сюда выдвинулись». Сонливость у всех прошла мигом. Работать с позиции, которая уже известна противнику, — хуже не придумаешь. По нам быстро наведут ответный огонь артиллерии. Или — что еще хуже — отправят к нам в гости своих спецов. Выезд с поляны обратно в Луганск лишь один. Заминируют его — засада, — расстреляют из-за деревьев, как мишени в тире.

Со стороны аэропорта ухнул миномет. Второй выстрел, третий. Мы разом замолкли и прислушиваемся. Вскоре над нами зашелестело — это минометный заряд на излете, падает к нам. Мы разбежались с поляны и залегли среди деревьев. Заряд, ломая ветки, взорвался над нами. Посыпались осколки, шлепаясь в сухие листву и хвою. Второй разрыв, третий. Ни один заряд не попал на поляну, где совершенно открыто стояли наши «Уралы», в которых плотными рядами упакованы четыре десятка ящиков с 120-миллиметровыми минами. Осколки от взрыва одной такой мины разлетаются в радиусе двести-двести пятьдесят метров. В радиусе ста метров выкашивают все живое. Крупные осколки могут пробить даже броню БТР или БМП. В каждом ящике в наших «Уралах» аккуратно уложены между деревянными распорками по две 120-миллиметровые мины. Судя по звуку разрыва и радиусу разлета осколков, по нам отработали из аэропорта 82-миллиметровые минометы. Значит, их разведка решила, что сюда прибыла просто пехота. Минометные заряды взрывались сразу при столкновении, значит, они поставлены на режим «осколочных». Если бы их поставили в режим «фугасных», они взрывались бы уже на земле, и укрыться от них было бы сложнее. По нам просто прошлись беглым огнем, чтобы отпугнуть. Если бы противник знал, что тут минометный взвод, то поляну уже накрыла бы тяжелая артиллерия. У 80-ой бригады в аэропорту имелись и «Грады». В общем, нам очень сильно повезло. Виталий сообщил в штаб, что мы сворачиваемся и уходим: «Нашу позицию обнаружили», — сказал он по телефону (у нас тогда не было нормальной связи, во время боев ополченцы зачастую координировали свои действия по телефону). «Уралы» задвигались на поляне, поворачивая на дорогу. Замыкающей шла «Газель» с разведчиками. Я поехал с ними. Копченые от загара разведчики, разгрузки надеты на голый торс, были родом из Луганска и Луганской области. Они рассказывали про «безбашенных вояк из России», которые проводят «беспокоящие атаки» на аэропорт. Это о группе «Вагнера».

«Вагнеровцы» прибыли в Луганск в конце весны, когда город был уже под контролем ополченцев. В бывшем здании управления украинской госбезопасности засели власти свежепровозглашенной народной республики. Бывший военкомат Луганской области стал основной базой батальона «Заря». «Вагнеровцев» отрядили на блокирование аэропорта. На базу «Зари» они приезжали, чтобы пополнить боезапас. Теперь-то, когда «Вагнер» и его группа, переросшие в частную военную компанию, известны на весь мир, в медиа часто пишут о том, что позывной у командира группы появился, якобы, потому, что ему нравится музыка немецкого композитора Рихарда Вагнера. Не знаю. Ни разу, когда «вагнеровцы» приезжали в расположение «Зари», загнав свои «Уралы» на плац, они не включали музыку Вагнера. Хотя включать музыку на полную громкость было обычным делом до тех пор, пока наше расположение не

стало подвергаться регулярным артиллерийским ударам и авиаударам. Например, казаки включали свои разгульные песни, распахнув двери оббитых металлическими листами УАЗов, чтобы лучше было слышно. Десяток «кадыровцев», которые некоторое время ошибались в расположении батальона, тоже включали казачьи песни — никаких «лезгинок» или чего-то подобного. Они приехали на войну на дорогих внедорожниках (как они утверждали, их собственных, хотя, может быть, просто отобрали у кого-то из местных буржуев). Колонки в их джипах работали отлично. Когда бои за Луганск стали особенно ожесточенными, а базу «Зари» начали обстреливать каждый день, «кадыровцы» скрылись в неизвестную даль.

«Вагнеровцы» с незнакомыми ополченцами общались очень неохотно. По их повадкам, манере обращаться с оружием было ясно, что они обожают войну. Большинство луганских ополченцев и добровольцев, прибывших из России, Украины, Белоруссии, Сербии и других стран, раньше в боевых действиях не участвовали. Учились воевать на ходу. Все «вагнеровцы» имели по несколько войн за плечами. Пара моих знакомых луганчан пытались прииться к группе «Вагнера». Но у них не было военного опыта, и им отказали. К тому же поговаривали, что в группу брали только тех, кого рекомендовал кто-то из состава группы. То есть даже наличие военного опыта не являлось решающим.

Это «вагнеровцы» отомстили за авиаудар на Луганск второго июня. Украинская авиация отбомбилась по зданию бывшей областной администрации. Ополченцев в здании не было. Погибли восемь гражданских и двадцать восемь были ранены. Тогда луганское ополчение объявило, что будет сбивать все военные самолеты Украины, которые окажутся в воздушном пространстве народной республики. До того, например, украинские военно-транспортные самолеты спокойно садились и взлетали в аэропорту, доставляя грузы и военнослужащих. Ополчение не препятствовало. Глава народной республики Валерий Болотов пытался договориться с украинскими военными, чтобы они перешли на сторону сепаратирующейся от Украины республики либо мирно покинули аэропорт. После второго июня переговоры прекратились. «Вагнеровцам» разрешили сбивать военно-транспортные самолеты, которые будут прибывать в аэропорт. Ночью четырнадцатого июня они подбили Ил-76, в котором находились экипаж из девяти человек и сорок украинских десантников. Никто не выжил. Киевские власти утверждают, что самолет сбили из переносного зенитно-ракетного комплекса. Со слов «вагнеровцев», знаю, что Ил-76 расстреляли из зенитной установки ЗУ-23М. Самолет снижался, заходя на посадку, двойной ствол ЗУ-23М распорол ему брюхо и перебил крылья. Рухнув, транспортник взорвался — шансов выжить ни у кого не было. Через день Болотов объявил, что ополчение уничтожило украинский самолет, потому что он нарушил воздушное пространство народной республики. Больше в луганском аэропорту не приземлилось ни одно воздушное судно.

В середине июля украинская армия попыталась деблокировать осажденную 80-ю бригаду. Тринадцатого июля одновременно с разных направлений были атакованы позиции ополченцев на окраинах Луганска. Мы гоняли из одного района города в другой, поддерживая наших минометным огнем. Вязкий бой шел весь день. Поздно ночью мы отстрелялись возле автодороги, ведущей в аэропорт. С северо-востока в аэропорт двигалась колонна украинской армии: около сорока танков, БТР и машины с пехотой. Мы успели заехать на базу и загрузились по полной. Надо было накрыть бронеколонну, чтобы затем другие подразделения ополченцев добили ее. «Уралы» стояли с потушенными фарами. Фонариками пользовались лишь для того, чтобы навести минометы. Разговаривали шепотом. Периметр прикрывали бойцы нашего же взвода — людей в тот день критически не хватало; по уму полагалось, чтобы наши выезды сопровождали бойцы из разведки. Ухали ночные птицы. Мимо проехал наш

БТР и длинной очередью прочесал окрестные кусты. Команда: «Работаем». Ослепительные огненные языки минометных выстрелов. В тишине между залпами было слышно, как продолжали ухать ночные птицы. Война не мешала им, не нарушала привычный ритм жизни. В стороне аэропорта мигающее зарево разрывов. Мы отстреляли весь боезапас. На базу возвращались в предрассветной синеве. С десяток единиц украинской бронетехники смогли прорваться в аэропорт. Однако колонна понесла тяжелые потери. Позднее генералы украинской армии обвиняли друг друга в плохом планировании операции. Конечно же, в том бою участвовали «вагнеровцы». И вроде бы среди них даже были убитые и раненые. Но про потери в ополчении в то время публично не говорили. Нас и без того было не столь много, чтобы озвучивать, насколько меньше стало. Должен сказать лишь, что благодаря нашей работе группа «Вагнера» потеряла меньше, чем могла бы. Кстати, ни разу «вагнеровцы» не предъявили нам, что мы плохо стреляем и закидываем минометными зарядами своих же. А ведь они, профи, наверняка отличали, под чьи разрывы попадают. Как только требовалось поддержать очередную активность в районе аэропорта, нас выдергивали из расположения — даже если базу «Зари» обстреливали, — и отправляли на позиции. Наш основной корректировщик, которого впоследствии назначили командовать всей артиллерией луганского ополчения, очень уважал «вагнеровцев» за профессионализм. Он и сам профи войны. Уроженец Санкт-Петербурга, успевший поработать в американской частной военной компании в Ираке. Он считал, что «вагнеровцы» прекрасно отдают себе отчет, когда решают провести ту или иную операцию. Поэтому, когда им требовалась поддержка минометов, он приходил к нам в расположение и сообщал, что пора на выезд.

Поговаривали, что численность группы «Вагнера» в Луганске составляла человек восемьдесят. Я лично видел не более тридцати. В летних боях они потеряли, по слухам, до тридцати процентов личного состава. Большие, очень большие потери для отряда из опытнейших боевиков.

В конце августа 80-я десантно-штурмовая бригада украинской армии согласилась покинуть луганский аэропорт. Им позволили уйти, оставив тяжелое вооружение. Группу «Вагнера» перекинули на другой участок фронта.

В начале января 2015-го «вагнеровцев» впервые упомянули в медиа. Их обвинили в том, что они убили одного из командиров ополчения — Александра Беднова с позывным «Бэтмен». В мае 2015-го погиб командир ополченческой бригады «Призрак» Алексей Мозговой. Машину, в которой он ехал с охранниками и пресс-секретарем, расстреляли из засады. В покушении обвинили «Вагнера» и его людей. Мозговой вел себя слишком независимо. Он был неудобен и московским властям, и киевским. Мозговой рассуждал о создании настоящей народной власти в Луганской республике, а «Вагнер» предпочитал выполнять конкретные боевые задачи.

В конце 2015-го «вагнеровцы» объявились в Сирии, где помогали российской армии и местному правительству. Покинув сепаратистскую республику, они занялись борьбой со всякого рода сепаратистами в другой стране. Некоторые бывшие бойцы «Зари» тоже оказались в Сирии. Участие в «Заре» летом 2014-го стало хорошей рекомендацией, чтобы попасть в эту группу, которую в медиа принялись именовать частной военной компанией, ЧВК. Из нашего взвода в Сирию поехал только один боец. Позднее западные спецслужбы и издания «находили» «вагнеровцев» в Центральноафриканской республике, Судане, Ливии и даже на Мадагаскаре. Были это именно «вагнеровцы» или нет — не столь уж важно. Важно то, что имя «Вагнер» сейчас чаще ассоциируется с ЧВК, чем с музыкой.